

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Структурные и семантические эквиваленты орокского простого предложения в русском языке *

Статья посвящена анализу предикативных единиц в языках типологически различных систем – орокском и русском. Описание орокского простого предложения в терминах синтаксических связей позволило выявить его основные особенности в структурном и синтаксическом аспектах: 1) преимущественное использование в качестве членов предложения не лексических единиц, как в русском языке, а синтаксических конструкций (словосочетаний); 2) отсутствие в составе простого предложения осложняющих распространенных определений и обстоятельств, выраженных в русском языке причастными и деепричастными оборотами; 3) отсутствие полипредикативных конструкций подчинительного типа (структурных эквивалентов русских сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными, присоединяемыми подчинительными союзами); 4) формальные различия распространенных монопредикативных конструкций в орокском языке и полипредикативных конструкций эквивалентной семантики в русском языке основываются на использовании для выражения отношений подчинения различных грамматических средств; 5) соответствие русских сложных предложений с обстоятельственными придаточными орокским структурно простым, но семантически сложным – полипропозитивным – конструкциям.

Ключевые слова: орокский язык, русский язык, семантическая эквивалентность, словосочетание, предложение, синтаксическая связь, отражение, притяжательная конструкция.

Несовпадение грамматических систем русского и орокского языков в категориальном и структурном плане определило и основные синтаксические различия между ними. Семантически эквивалентные конструкции в русском и орокском языках имеют различную грамматическую структуру, что определяется именно категориальными и функциональными особенностями грамматических единиц, например, отсутствием в орокском предлогов и подчинительных союзов при наличии отглагольных имен сложной семантики, не имеющих эквивалентов в грам-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00117 «Проблема семантической эквивалентности и структурной соотносительности единиц в языках типологически различных систем (на материале орокского и русского языков)».

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; larisa-3302803@rambler.ru)

матической системе русского языка. Эти грамматические единицы орокского языка в составе притяжательных конструкций заполняют в простом предложении позиции обстоятельств, эквивалентных русским обстоятельственным придаточным в составе сложного предложения. Поэтому попытки интерпретации синтаксических структур через семантический эквивалент в языках с несовпадающей грамматической структурой наталкиваются на определенные трудности.

Системные описания синтаксического строя простого предложения в нанайском [Аврорин, 1981] и в эвенском [Мальчуков, 1999] языках выявили оптимальный вариант подхода к анализу синтаксических структур: описание в терминах синтаксических связей на уровне словосочетания и предложения, так как в отличие от русского языка, где процесс этот носит факультативный характер (аналитические словоформы, идиомы и т. п.), в тунгусо-маньчжурских языках использование словосочетания как неделимого члена предложения предопределено синтаксической организацией языка и его морфологической структурой.

При описании синтаксиса эвенского простого предложения для разграничения простых предложений на основании характеристики по формально-грамматическому и функциональному (содержательному) признакам в различных языках А. Л. Мальчуков выделил три типа (класса) предикативных единиц [Мальчуков, 1999, с. 14]: собственно простые предложения (предикативные конструкции, обладающие смысловой законченностью), элементарные простые предложения (предикативные конструкции, не обладающие смысловой завершенностью) (как части сложного предложения; в отличие от понимания термина «элементарное простое предложение» как двусторонней единицы языка в рамках новосибирской синтаксической школы. – Л. О.) и сложные предложения (полипредикативные конструкции, состоящие из элементарных простых предложений, функционально являющихся единицами речевого общения, т. е. полноценных в содержательном отношении). Последние предполагают обязательную синтаксическую связь различной степени зависимости / независимости и формальной выраженности / невыраженности между частями: сочинение – между однофункциональными простыми предложениями и подчинение – между элементарными простыми предложениями.

Для тунгусо-маньчжурских языков традиционным типом является простое распространенное предложение, основу которого, как в русском языке, составляет предикативная конструкция (подлежащее и сказуемое), а в качестве второстепенных членов функционируют дополнения, определения, обстоятельства, чаще выраженные синтаксическими конструкциями, которые могут быть охарактеризованы как непредикативные синтаксические единицы (их компонентами выступают слово и словоформа, например: *ула маси=ни* ‘сила оленя’ (букв.: олень сила-его).

Словосочетание в русском языке и тунгусо-маньчжурских языках как единица синтаксическая (например, комплетивная или притяжательная конструкция) может быть противопоставлено, с одной стороны, аналитической словоформе как единице грамматической (например, отрицательная форма глагола или послеложная падежная форма) и, с другой стороны, предложению – как единице номинативная единице коммуникативной.

Мапа дукузи нэуэччи тари нари панамбани.

мапа	дуку=зи	нэ=уэччи	тари	нари
старик=Nom/Sg	дом=Abl/Poss	выход=Simult/Poss-Sg	тот	человек
панам=ба=ни	этчини итэ			
тень=Acc/Poss=3SG	не увидеть=Past/Neg-3SG			

‘Когда старик вышел (букв.: во время своего выхода) из своего дома, тень того человека не увидел.’

Центром предложения является предикативная конструкция *мана э-тчи-ни итэ* (сказуемое выражено аналитической формой глагола), второстепенными членами выступают две «свернутых» возвратно-притяжательных конструкции (элиминировано определение – возвратно-притяжательное местоимение, всегда отражаемое возвратно-притяжательным суффиксом определяемого): *мэнэ дуку-* [ду+*j*]=*зи* ‘из своего дома’ и *мэнэ и-гэччи*=*j* ‘во время своего выхода’, и одна цепная лично-притяжательная конструкция *тари нари панам-ба-ни* ‘того человека тень-его’ (букв.: тот человек тень-его)’.

Понятие синтаксической связи прежде всего соотносится с отражением иерархичности отношений между словами, составляющими словосочетание, и далее – предложение. В функциональном (содержательном) плане словосочетание является синтаксической структурой, в которой смысловые отношения развиваются на основе одного из видов подчинительной связи: отражения, управления, согласования или примыкания.

В типологически различных языках, например в русском и орокском, средства выражения сочинения и подчинения на разных синтаксических уровнях различны. Внутри словосочетания в русском языке связи всегда оформлены: сочинение – интонационно и через союзы, подчинение таких видов, как управление и согласование, – через предлоги и флексии. В тунгусо-маньчжурских языках сочинение достаточно регулярно не оформляется никакими средствами, но подчинительная связь на уровне словосочетания всегда формально выражена: через падежные суффиксальные показатели оформляется управление (например: *бојом-бо вѣури* (медведь-ACC убить) ‘медведя убить’, *покто-кке нэнэури* (дорога-PROLAT идти) ‘по дороге идти’), в отдельных языках, например в эвенкийском, также и согласование, при котором определение и определяемое согласуются в числе и падеже; всегда оформляется отражение – через порядок и притяжательные суффиксы. Порядок слов в простом распространенном предложении в орокском языке выполняет структурно-грамматические функции:

1. Дифференцирует омонимичные формы в составе синтаксических конструкций, например: определение – определяемое, субъект – предикат, объект – предикат и др.).

Городу синда=ха=н(и) (Adj) нари аталихани.
‘Издали пришедший мужчина устал.’

Мана нони синдахам=ба=ни (Acc/Poss-3 SG) этчини итэ.
‘Старик не видел, когда он пришел (букв.: его прихода не видел).’

Чотчи гој нари синда=ха=ни. (V-ind/Past-3Sg)
‘Потом другой человек пришел.’

2. Является средством выражения синтаксической связи (примыкание, отражение).

На уровне сложного предложения в русском языке всегда оформляется: сочинение – интонационно (через знаки препинания) или через сочинительные союзы, подчинение – при помощи подчинительных союзов или союзных слов. В орокском языке, где сложносочиненные предложения немногочисленны, связь между предикативными частями носит сугубо семантический характер и непосредственно оформляется такими грамматическими средствами, как союзные частицы, условно соотносимые с русскими сочинительными союзами. Сложноподчиненные предложения в орокском языке представлены одним типом – сложноподчиненными предложениями с придаточными дополнительными, присоединяемыми

исключительно союзными словами, в функции которых выступают относительно-вопросительные местоимения.

Тари нари мамаңуни хайду ундивэни нэнэхэни.

‘Тот человек отправился, куда ему сказала старуха (букв.: тот человек его старухи говорение=ее куда пошел)’;

см. *мама=ну=ни унди=вэ=ни* ‘старуха=его ее говорение=Acc/Poss-3Sg’.

Тари нари нэнэхэни мамаңуни ундилэни.

‘Тот человек отправился <туда>, куда ему сказала его старуха (букв.: тот человек отправился по его старухи говорению-ее)’;

см. *мама=ну=ни унди=лэ=ни* ‘старуха=его ее говорение= LocII/Poss-3Sg’.

Подчинительные связи – связи неравноценных компонентов: один всегда грамматически независим (подчиняющее слово), второй (подчиненное слово) носит зависимый характер, характер зависимости определяется грамматическими характеристиками слова (отнесенность к грамматическому классу и парадигматические возможности) и лексико-синтаксическим статусом (семантика и функциональная позиция). Например, «управление – связь слова с формой слова, согласование – связь формы слова с формой слова, примыкание – связь слова со словом» [Золотова, 1973, с. 32], отражение в тунгусо-маньчжурских языках – связь слова с формой (формами) слова, т. е. в подчинительную связь в словосочетании могут вступать слова и формы слова, причем «в функционально-синтаксическом отношении слова, не имеющие форм, могут быть ближе к синтаксическим формам, чем к словам с совокупностью форм» [Там же].

Способами выражения подчинения в словосочетании является смысловая зависимость, которая оформляется подчинительными связями и, в определенной мере, – порядком слов. В границах словосочетаний действуют следующие виды подчинительной связи:

1. **Управление** – подчинительная связь лексико-грамматического характера, оформляющая комплетивные отношения, при которой подчиняющее слово (глагол или отглагольное образование) в зависимости от своего лексического значения требует от подчиненного (имени существительного) той или иной падежной формы, которая может быть выражена суффиксально или – в тунгусо-маньчжурских языках – послеложной конструкцией (аналитическим падежом [Болдырев, 2007, с. 216]).

Дуку дбдуну ду ситто мўвэ бакаври.

Дуку	дб=ду=ни	ду	ситто	мў=вэ
дом	внутри=LocI/Poss3Sg	два	бочка=Acc/Sg	вода=Acc/Sg
бака=ври				
нашлись=PP-Pres				

‘В доме две бочки воды нашлись.’

Мокчу шамба сэпэ вахани.

Мокчу	ила=мба	сэпэ	ва=ха=ни,
Мокчу=Nom/Sg	три=Acc	соболь= Acc/Sg	убить=Ind/Past3Sg

‘Мокчу трех соболей убил.’

Мапа мовоңуби пупун зи пупуллэни.

мапа мо=во=ну-би пупун=зи
старик= Nom/Sg дерево=Acc/Poss-1Sg пила=Instr/Sg
пупу-лле=ни
пилить= V/Pres.3Sg < [пупула- + -j Pres.= ллэ].
'Старик (свое <ему принадлежащее>) дерево пилюю пилит.'

2. **Примыкание** – подчинительная связь лексико-синтаксического характера, оформляющая такие синтаксические отношения, при которых подчиняющее слово не требует постановки подчиненного в определенных формах, поскольку последнее является неизменяемым; примыкание выражается контактной позицией главного и зависимого слов.

Нони чаду зиң горо аврини-тани.

нони чаду зин горо ав=ри=ни
он=Pron/3Sg там очень долго лежать=VInd/Pres-3Sg
'Он там очень долго лежал.'

Чоччи пурил чисэпчи нарисал дукку=чи аптууачи.

Чоччи пури=л чисэпчи нари=сал дукку=чи
потом девочка=Nom/Pl вчерашний мужчина=Pl дом=Acc/Poss.Sg
апту=ча=чи
достичь=Vind/Past-3Pl
'Потом девочки дошли до дома вчерашних <которых вчера видели> мужчин (букв.: потом девочки вчерашних мужчин дома достигли).'

3. **Согласование** – подчинительная связь грамматического характера, оформляющая атрибутивные отношения, при которой подчиняющее (имя существительное) и подчиненное слово (имя прилагательное) выступают в одних и тех же формах числа и падежа, что выражается грамматически – через суффиксы. В орокском языке согласование между определением и определяемым в формах числа носит факультативный характер (см. *ситэу улбаху-л* 'новые рубахи (букв.: новая рубахи)', в формах падежа реализуется в сочетаниях с количественным числительным-существительным.

Тари амбаңуни дубэ лојмакамба укичими дэпчини.

тари амба=ну=ни ду=бэ лојмакам=ба
тот черт=Nom/Poss-3Sg две=Acc форељка=Acc/Sg
[мэнэ] укичи-ми дэп=чи=ни
при своем вылавливании=Simult/Sg съесть= Ind/Past-3SG
'Тот черт две форељки поймал и съел.'

Тари маңга иламба бују (бујумбэ) охотыми вāхани.

тари маңга илам=ба бују [мэнэ] охоты=ми
тот богатырь=Nom/Sg три=Acc медведь=Sg при своей охоте=Simult/Sg
вā=ха=ни
убить=Vind/Past-3Sg
'Тот богатырь, охотясь, убил трех медведей.'

4. **Отражение** (в тунгусо-маньчжурских языках) – подчинительная связь грамматико-синтаксического характера, оформляющая атрибутивные отношения между именами существительными в контактной позиции через притяжание, «когда подчинительные отношения находят свое морфологическое выявление в форме подчиняющего слова, а форма подчиненного слова остается нейтральной по отношению к подчиняющему слову» [Аврорин, 1981, с. 6].

Би агби кучиүэни пэсимбэни иргалами андуччимби.

би	аг=би	кучиүэ=ни	пэсим=бэ=ни
я=Nom/1Sg	брат=Poss-1Sg	нож=Poss-3Sg	рукоятка=Acc/Poss-3Sg
[мэнэ] иргала=ми		анду=чим=би	
со своим узором=Simult/Poss-Sg		сделать=VInd/Past-3Sg	

‘Рукоятку ножа моего старшего брата я узором украсил (букв.: я старший брат-мой нож-его рукоятку-его со своим узором сделал).’

Виды подчинительной связи в русском и тунгусо-маньчжурских языках вполне соотносимы в своих основных проявлениях, отличия сведены к особенностям управления и наличию в тунгусо-маньчжурских языках не имеющей русского эквивалента подчинительной связи отражения, широкому распространению согласования между определением и определяемым в русском языке и факультативному проявлению его в неполном виде (отсутствие согласования в падеже) – в орокском (согласование по числу) при регулярном примыкании препозитивных определений-прилагательных к определяемым.

К специфическим видам управления в орокском языке традиционно относят управление в конструкциях отрицания с *ана / анауа* ‘нет; не имеющийся, отсутствующий’, в атрибутивных конструкциях обладания и в сравнительных конструкциях.

Управление, осуществляемое сказуемыми, выраженными «именами отрицания» *аба* и *ана*, отнесено В. А. Аврориным на материале нанайского языка к «особому виду управления» [Аврорин, 1981, с. 109]. «Такое сказуемое, – по мнению В. А. Аврорина, – употребляется в тех случаях, когда предмету-подлежащему необходимо предидировать в качестве признака понятие отсутствия, т. е. когда целью высказывания является утверждение об отсутствии того или иного предмета. Обозначая настоящий по времени признак отсутствия, имена отрицания образуют простые сказуемые, а обозначая прошедший и будущий признаки отсутствия, образуют составные сказуемые со вспомогательными глагольными словами от основ *би-* и *о-/оси-/очо-* по образцу, свойственному всем именным сказуемым» [Там же]. Временная парадигма любого глагола, в том числе и вспомогательного, представлена в тунгусо-маньчжурских языках формами трех времен, причем «составное» или сложное сказуемое в форме настоящего времени отличается исключительно нулевой связкой. Поскольку слова *аба* и *ана* оцениваются как имена, на что указывает их способность употребляться в притяжательной форме: «...имена отрицания... употребляются в простой форме, но могут с равным успехом иметь и притяжательную форму, отражающую лицо-число подлежащего» [Там же, с. 108], сказуемые с «именем отрицания» представляет собой не «простое», а все то же «составное» или сложное, управляющее зависимым от него дополнением.

В орокском языке так называемые нанайские имена отрицания представлены формами *ана* ‘нет (не имеющийся)’ и *ануа* ‘отсутствующий, не имеющийся’ и квалифицируются как причастия-прилагательные, образованные от основы *ана-* ‘не быть, отсутствовать, не иметься’: *ана* ~ *ануа* ‘не присутствующий, отсутствующий, не имеющийся’ (ср. в русском языке: форме глагола «не быть» в настоящем времени соответствует ‘нет’, в прошедшем – ‘не был, не была, не было’ и т. д.), сохраняющие от основы глагола способность связываться с именами существительными по типу управления. Основанием для отнесения слов *ана* ~ *ануа* к грамматическому классу причастий-прилагательных является их способность употребляться в форме множественного числа, оформляясь суффиксом множественного числа имени *-л*, а также их синтаксическая роль: они выступают в функции именной части сложного сказуемого, всегда занимающего позицию абсолютного конца предложения. При помещении высказывания в прошедший или будущий

временной план появляется глагольная связка, которая в сложных сказуемых настоящего времени регулярно нулевая, ср., например: *дукуду хай-да анаҭа/ана* <би=ни> ‘в доме никого нет (букв.: в доме **кто-то** (Pronom/3Sg) отсутствующий <есть>’ и *дукуду хай-да анаҭа битчини* ‘в доме никого не было (букв.: в доме **кто-то** отсутствующий **был**)’ / *дукуду хай-да анаҭа билли-ни* ‘в доме никого не будет (букв.: в доме **кто-то** отсутствующий **будет**)’.

По этим основаниям связь в конструкциях с отрицательными причастиями-прилагательными *ана / анаҭа*, выступающими в функции именной части сложного сказуемого, квалифицируется как обычное управление.

Синтаксическую связь в конструкциях обладания В. А. Аврорин называл «омертвевшим управлением», отмечая, что к управлению она восходит лишь исторически [Аврорин, 1981, с. 104]. В орокском языке прилагательные с суффиксом *-лу* ‘обладающий тем, что названо производящей основой; с тем, что названо основой’ требуют постановки препозитивного определения-имени в форме творительного падежа (при явном отсутствии управляющей глагольной единицы).

Тари мапа илан зи (Instr) нуттэ=лу бичин.

‘У того старика было трое детей (букв.: тот старик был тремя детьми обладающий).’

Нони хиндахани ду зи (Instr) мојча=лу, кадаран зи (Instr) ңиндал=лу.

‘Он пришел с двумя ружьями и большой собакой (букв.: большой собакой обладающий).’

Тари мама нучукэ зи (Instr) нуттэ=лу ңэнэхэни.

‘Та старуха с маленьким ребенком отправилась.’

При помещении прилагательного обладания в постпозицию атрибутивная конструкция автоматически превращается в предикативную: прилагательное перестает быть статическим определением, в этом случае оно выражает уже предикативный признак, т. е. становится частью сложного сказуемого, которое обязательно координируется в числе с подлежащим.

Тари нари Мокчу зи гэлбуллу нари биччини.

‘Того человека звали Мокчу (букв.: тот человек с именем Мокчу был).’

Мокчу гэлбуллу (Adj) ча сулле (Acc-Sg) вахани.

‘Имя имеющий Мокчу ту лисицу убил.’

По типу управления в предложения вводятся сравнительные конструкции в функции обстоятельств сравнения, эквивалентные русским конструкциям со сравнительными союзами. Структурно формы сравнительной степени в русском языке (суффиксальное образование) и в орокском (синтаксическая конструкция: ‘тот, который’) не совпадают. В. А. Аврорин полагал, что «к управлению в качестве одного из его частных и своеобразных случаев следует отнести выражение зависимости второго, субстантивного по своему значению члена сравнительного оборота от его предикативного члена с помощью сравнительной формы» [Там же, с. 34]. Трудно согласиться с В. А. Аврориным, считавшим, что «изолированное положение сравнительной формы... в системе словоизменения выделяет случаи управления с ее помощью на особое место. Вероятно, их можно было бы с равным правом отнести к области примыкания или определить как еще один новый тип связи» [Там же]. Особенностью управления в предложениях с обстоятельствами сравнения является невыраженность глагольной связки в составе мно-

гокомпонентного сказуемого как собственно управляющего элемента. Поскольку глагол-связка в составе сказуемого (в качестве именной части выступает сравнительная степень прилагательного) представлен нулевой формой, складывается впечатление, что управляет сравниваемым именем и требует его постановки в творительном падеже именно сравнительная степень, тогда как в действительности управляет падежом сказуемое. А нулевая связка в форме настоящего времени регулярна для всех типов сложных сказуемых в орокском предложении.

Управление творительным падежом первого компонента сравнительной конструкции осуществляется именно сложным сказуемым с нулевой связкой, например: *би улаби си ула зиси масидума* 'мой олень сильнее, чем твой олень / сильнее твоего оленя (букв.: мой олень сравнительно с твоим оленем сильнее есть)', где *улаби* – подлежащее в им. п. ед. ч., *масидума* – именная часть составного сказуемого с нулевой связкой в наст. вр., управляющая тв. п. дополнения *ула зиси* [ср. также: *би ула=би си ула=зи=си маси=дума би=ччи=ни / би=лли=ни* 'мой олень сильнее твоего был / будет (букв.: мой олень с твоим тот, который сильный)'; *дава мамача=зи аптаули=дума* 'кета вкуснее шуки' (ср. рус.: кета вкуснее, чем шука); *си мин=зи сагди=дума* 'ты меня старше (букв.: ты со мной та, которая старшая)' (ср. рус.: 'ты старше, чем я') и др.].

Принятие за аксиому положения о способности сказуемого любой структурной организации в русском и тунгусо-маньчжурских языках присоединять по типу управления слова субстантивной семантики снимает вопрос об «особых видах» управления или «особом виде связи», которым присоединяются некоторые падежные формы в грамматико-синтаксических конструкциях обладания и сравнения, а также в предложениях с так называемым именным отрицанием в орокском языке.

Особым видом подчинительной связи, основанной на наличии категории посессивности в тунгусо-маньчжурских языках, является отражение. Отражение как подчинительная связь, не имеющая соответствия в русском языке, может носить двойкий характер: подчинение (отражение именного типа) и взаимоподчинение (отражение глагольного типа или «числовое» [Аврорин, 1981, с. 6]).

При отражении именного типа форма подчиняющего слова зависит от лица и числа или только числа подчиненного слова, что всегда оформляется грамматически через притяжание и синтаксически – через порядок слов. Именное отражение является средством выражения атрибутивных отношений между единицами субстантивной семантики в составе притяжательной конструкции, где первый компонент выступает в функции определения, второй – определяемого. Атрибутивность при этом предполагает отношения по принадлежности в самом широком смысле: это обладание, партиитивность, родство, свойство и др., т. е. «отношение предметно мыслимого свойства к его носителю или предметно мыслимого действия к его исполнителю» [Там же, с. 6–7].

Синтаксически значение принадлежности находит свое выражение в двучленной конструкции, первый член которой обозначает субъект обладания, а второй – объект обладания (при последовательном или «цепном» отражении в качестве первого члена одной конструкции может выступать второй член предшествующего притяжательного словосочетания и т. п.). Как отмечал В. А. Аврорин на материале нанайского языка, различаются «два вида отношений по принадлежности между предметами: а) отношение предмета, связанного с действием, к другому предмету, не являющемуся субъектом данного действия, и б) отношение предмета, связанного с действием, к другому предмету, являющемуся субъектом данного действия. Первый из этих двух видов отношений выражается с помощью лично-притяжательных, а второй – с помощью возвратно-притяжательных словосочетаний» [Там же, с. 7–8], формирующих, соответственно, два вида притяжательных конструкций: лично-притяжательные и возвратно-притяжательные, характе-

ризующиеся жестким порядком (определение всегда предшествует определяемому).

В двучленных лично-притяжательных конструкциях форма второго компонента устанавливает связь определяемого с определением через присоединение соответствующих лично-притяжательных суффиксов, т. е. суффиксация является основным грамматическим средством выражения атрибутивного характера связи в притяжательной конструкции. Грамматический статус первого члена-определения – собственно имя существительное или местоимение – определяет тип отражения: именное или местоименное. Именное отражение оформляет атрибутивные отношения между собственно именами существительными, заполняющими позиции определения и определяемого, местоименное – между личными местоимениями-существительными или притяжательными местоимениями-прилагательными в функции определения и именами существительными в позиции определяемого. Местоименное отражение представлено конструкциями двух типов: **лично-притяжательными и возвратно-притяжательными**.

В лично-притяжательных **именных** конструкциях возможно наделение одного из компонентов (или множества компонентов) свойством принадлежности другому или другим, т. е. при личном притяжении для оформления связи со вторым членом (определяемым) используются только притяжательные суффиксы 3-го л. ед. или мн. числа, например: *нари угда=ни* ‘лодка человека (букв.: человек лодка-его)’; *нари=сал угда=чи* ‘лодка людей (букв.: люди лодка-их)’; *пури=л хуптику=л=чи* ‘игрушки детей (букв.: дети игрушки-их)’.

В лично-притяжательных **местоименных** конструкциях возможна принадлежность предмета лицу / лицам, обозначенным личными местоимениями-существительными 1-го, 2-го, 3-го л. ед. или мн. ч., так как количество лично-притяжательных суффиксов определяется исключительно количеством местоимений, например: *би (мин/и) угда=би* ‘моя лодка (букв.: я лодка-моя)’; *си (син/и) угда=си* ‘твоя лодка (букв.: ты лодка-твоя)’; *бу (мун/у) угдапу* ‘наша лодка (букв.: мы лодка-наша)’, *нбчи угда=чи* ‘их лодка’ и т. п.

В **возвратно-притяжательных** конструкциях принадлежность предмета «по свойству» связана с лицом / лицами, совершающими действие: возвратно-притяжательными суффиксами, дифференцируемыми только в отношении числа, оформляется принадлежность предмета субъекту/субъектам действия, например: *би угдаби дапахамби* ‘я свою лодку взял’; *мана угда=би дапа=ха=ни* ‘старик свою лодку взял’; *нари=сал мэнэ апу=сал=ба=ри вэдэ=рэ=чи* ‘мужчины свои шапки потеряли’ и т. п., причем характер суффикса в отношении числа действующих лиц (для одного лица *-би* в падежных формах *-и*, для многих лиц *-ри*) определяется не первым членом конструкции – возвратным местоимением *мэнэ (мэн)* ‘свой, свои (для одного лица)’ и *мэнэ (мэн)* ‘свой, свои (для нескольких лиц)’, а собственно количеством субъектов действия, например: *нари=сал мэнэ дуку=такке=ри цэнне=чи* ‘люди идут к своему <для многих> дому’; *мама (мэнэ) угда=такки цэнэ=хэ=ни* ‘старуха к своей <для одной> лодке отправилась’ и т. п.

Местоименные притяжательные конструкции могут быть «развернутыми» – при наличествующем первом компоненте – определении, и «свернутыми» – определение элиминируется, так как отражено лично-притяжательными суффиксами второго компонента – определяемого, причем для возвратно-притяжательных конструкций элиминация является нормой: они регулярно выступают как «свернутые», однако возвратно-притяжательная форма остается именно вторым членом притяжательной конструкции.

Отражение глагольного типа или числовое предполагает, что «форма подчиняющего слова зависит только от числа подчиненного слова» [Аврорин, 1981, с. 5] и определяется субъектом действия. Это связь между существительными сложной семантики в функции обстоятельств (традиционно рассматривавшимися

на тунгусо-маньчжурском материале как «особые» деепричастия с возвратно-притяжательными суффиксами, а возвратно-притяжательные суффиксы оформляют в тунгусо-маньчжурских языках исключительно имена существительные, поэтому на основании семантических и грамматических особенностей этих единиц они квалифицируются как особые отглагольные имена), управляемых глаголом-сказуемым, и субъектом / субъектами, осуществляющими действие, которые «с грамматической точки зрения могут быть охарактеризованы как определения к притяжательным деепричастиям» [Аврорин, 1981, с. 11]). Иначе говоря, субъект в зависимости от своих грамматических и семантических характеристик выступает в роли определения при деепричастии-существительном, отражающем число этого имени существительного (в том числе, личного местоимения-существительного) через возвратно-притяжательный суффикс, например: *мапарил* <мэнэ> *сагдамари бутчичи* ‘старики от <своей> старости (по причине своей старости) умерли’ и *бу сагдамари бутчилауану* ‘мы от <своей> старости умрем’.

Описание простого предложения в терминах синтаксических связей позволяет сопоставить формальный (структурный) и функциональный (содержательный) планы предложения в русском и орокском языках, а именно – соотнести синтаксические единицы (предложение и словосочетание), используемые в этих языках для передачи эквивалентных смыслов.

Простое предложение представлено в орокском языке двусоставным и условно односоставным сказуемым. Как отмечал А. Л. Мальчуков, анализируя простое предложение в эвенском языке, «разграничение двусоставных и односоставных предложений... выходит за рамки структурного синтаксиса, поскольку предполагает обращение к семантической, номинативной структуре предложения» [Мальчуков, 1999, с. 39], т. е. структура предикативной единицы в языках типологически различных систем для передачи эквивалентных смыслов может не совпадать.

Под условно односоставным простым предложением в орокском языке понимается однокомпонентная синтаксическая единица, семантическим эквивалентом которой в русском языке является двусоставное нераспространенное предложение, где предикативные отношения «спрятаны» внутри глагольной формы 3-го л. ед. и мн. ч., т. е. структурно рус. [подлежащее] + [сказуемое] = орок. [подлежащее + сказуемое], например: *тамналухани* ‘выпал туман’, *тугдэллэни* ‘идет дождь’, *долбодухани* ‘наступила ночь’ и т. п. В целом же односоставные сказуемые предложения не свойственны тунгусо-маньчжурским языкам: элиминация подлежащего, выраженного местоимением любого лица и числа, носит регулярный характер, а лицо-число подлежащего всегда отражается лично-числовым суффиксом глагола, т. е. разрушения конструкции не происходит. Во всех остальных случаях собственно субъект действия, выраженный именем существительным любого разряда, всегда назван.

Тари мапа угдани геуллэ=ни (Acc/Poss=3 sg) <нони> *дана=ха=ни* (Vind/Past-3Sg).
‘<Она> взяла весло от лодки того старика (букв.: тот старик лодка-его весло-ее она взяла).’

Линейная структура предложения традиционно предполагает развертывание высказывания от темы к реме, что определяет порядок слов и – определяется порядком слов. Общим принципом организации линейной структуры предложения является позиция определения («зависимого определения») перед определяемым, а предиката («абсолютного определяемого») – в конце предложения. Для тунгусо-маньчжурских языков характерен прямой порядок слов с позицией предиката в абсолютном конце предложения: *Ум=мури орки* ‘Курение вредно’; *Орки ум=муритани* ‘Вредно курить-то’ и т. п.

Позиции обстоятельств времени, места, причины, цели и т. п., выраженных притяжательными конструкциями с супином, кондиционалем, симулятивом и консессивом, определяются семантическим разрядом: абсолютное начало предложения или абсолютный конец (после сказуемого) – для конструкций с супином. Поэтому порядковые схемы орокского простого предложения не отличаются большой вариативностью; в квадратных скобках помещены структурно необходимые члены распространенного простого предложения, в угловых – факультативные. Схемы позволяют наглядно представить соответствие полипропозитивных конструкций орокского языка и условно эквивалентных в семантическом плане полипредикативных структур русского языка.

1. [Обстоятельство времени, места] <определение> *подлежащее* [<определение> дополнение] [обстоятельство образа действия, меры, степени] *сказуемое*.

Чиманани чимай тэхэнзи тари мама нуттэби буччини итэхэни.

‘На другой день утром, встав, та старуха увидела, что ее ребенок умер (букв.: на другой день утром при своем вставании та старуха ребенка-своего смерть-его увидела).’

Ча дукуду синдаха нарисал тагда мувэ итэуэччи бала-бал умигачи-тани.

‘В том доме пришедшие мужчины, когда белую воду увидели, быстро попили (букв.: в том доме пришедшие мужчины при своем видении белую воду выпили).’

2. <Определение> *подлежащее* [<определение> дополнение] [обстоятельство сравнения] *сказуемое* Ø.

Мин ниндаби син ниндазиси улингадума <бини>.

‘Моя собака лучше твоей собаки’ (букв.: моя собака с твоей собакой <сравнительно> лучше <есть>).’

Тари мапа кадара божо омотту отчини.

‘Тот старик подобен огромному медведю стал (букв.: тот старик огромный медведь словно / как огромный медведь стал).’

3. [<Обстоятельство времени, места> <определение> *подлежащее* [<определение> дополнение] [обстоятельство образа действия, меры, степени] *сказуемое*.

Халанда горочиду манга мэргэ бо поктоккени сумилтази нэнэхэни.

‘Давно когда-то сильный богатырь по небесной дороге на своих лыжах отправился.’

Ча дукуду гедэ нари умукэ битчини.

‘В том доме один мужчина в одиночестве (одинок) жил.’

4. [<Обстоятельство времени, места> *подлежащее* <определение> [<определение> дополнение] [обстоятельство образа действия, меры, степени] *сказуемое*.

Ча гасанду содуни гедэ нари дузи нуттэлу асил’ана зоббизи битчини.

‘На том конце селения один мужчина с двумя детьми в бедности жил, жены не было (букв.: один мужчина, обладающий двумя детьми, без жены жил).’

5. А. [Определение – обстоятельство условия, причины, уступки, несостоявшегося действия] <определение> *подлежащее* [<определение> дополнение] *сказуемое*.

Б. [Обстоятельство времени, места] <определение> *подлежащее* [<определение> дополнение] *сказуемое* [обстоятельство цели].

Данная модель простого предложения с обстоятельствами, выраженными лично- и возвратно-притяжательными конструкциями с деепричастиями-существительными (при отнесенности основного и добавочного субстантивно выраженного действия к одному и тому же субъекту) и связанными отглагольными существительными (при отнесенности основного и добавочного субстантивно выраженного действия к разным субъектам), в тунгусо-маньчжурских языках семантически эквивалентна моделям сложноподчиненного предложения с обстоятельственными придаточными.

В целом формальные отличия предикативных структур эквивалентной семантики в русском и орокском языках сводятся к использованию для выражения отношений подчинения различных средств: подчинительных союзов в русском языке, присоединяющих придаточные в составе сложного, синтаксической связи отражения (основанной на наличии в тунгусо-маньчжурских языках категории посессивности), оформляющей притяжательные конструкции обстоятельственной семантики с симультивом, консессивом, супином и кондиционалом в собственном простом предложении в орокском языке. Вообще не имеют ни структурных, ни семантических эквивалентов в русском языке простые предложения с инверсивными обстоятельствами несостоявшегося действия.

Син ңэнэ=нэјзи=си улалба этчини бурэ.

‘Ты собрался ехать, они оленей не дали (букв.: для твоего не-отъезда они оленей не дали).’

Русским сложноподчиненным предложениям с придаточными времени, присоединяемыми подчинительными союзами и способными занимать любую позицию в составе сложного, вполне соответствуют в орокском языке простые предложения с препозитивными обстоятельствами условия или времени, выраженными притяжательными конструкциями с кондиционалом – отглагольным существительным условно-временной семантики.

Амба акпа=кута=нэ би симбэ сэруччилэми.

‘Когда чёрт ляжет спать (букв.: при укладывании чёрта), я тебя разбужу.’

Си кучэмбэси пивэ=уутэ=си, кучэуэси пивэвлухэни.

‘Когда ты точишь свой нож, он становится тоньше (стачивается) (букв.: при твоём точении своего ножа он истончается).’

Син ңэну=уутэ=ссе, би мблоллэви.

‘Когда ты уйдёшь, я схожу за дровами (букв.: после твоего ухода я схожу за дровами).’

Суну мбло=уутэ=су, би сунду гэсэ ңэнуллэви.

‘Когда вы пойдете за дровами, я с вами вместе уйду (букв.: при вашем уходе за дровами я с вами вместе уйду).’

Пурил дукутаккери и=уэччи итэуэчи: нуј-дэ а́на.

‘Когда вошли в свой дом, дети увидели, что никого нет (букв.: после входа в свой дом дети увидели: кто-то отсутствующий).’

Русским сложноподчиненным предложениям с придаточными времени, присоединяемыми подчинительными союзами и способными занимать любую позицию в составе сложного, соответствуют в орокском языке простые предложения

с препозитивными обстоятельствами времени, выраженными притяжательными конструкциями с симулятивом – отглагольным существительным, указывающим на одновременность субстантивно выраженного дополнительного и главного действий.

Сун(у) би=ңэси=су Пилетунду гѣда нари кадараңусу вѣхани.

‘Когда вы были в Пильтуне (букв.: во время вашего пребывания), один человек вашего огромного медведя убил.’

Эр мангасал би=нэсси=ри дин бара даргули манаучи-тани.

‘Эти богатыри, когда жили (букв.: во время своей жизни), очень много красных волков (чертей) уничтожали.’

Русским сложноподчиненным предложениям с условно-уступительными придаточными, присоединяемыми подчинительными союзами, соответствуют в орокском языке простые предложения с препозитивными обстоятельствами уступки или условия, выраженными притяжательными конструкциями с консессивом – отглагольным существительным условно-уступительной семантики.

Син мѣло=җи=си би улиссэ ололлѣви.

‘Если ты дров принесешь, я сварю мясо (букв.: при условии твоего принесения дров я сварю мясо).’

Би оронне инэни ундэ=җи=ви мимбе этчини дѣбу.

‘Хотя я сегодня и говорил, они меня не послушались (букв.: несмотря на мое прежде днем говорение меня не послушались).’

Бу (мун) нѣттоини улалбари бурэ=җи=пу нѣни этчини гѣда.

‘Хотя мы ему своих оленей давали, он не взял (букв.: вопреки нашему даванию ему своих оленей он не взял).’

Русским сложноподчиненным предложениям с придаточными цели, присоединяемыми подчинительными союзами и занимающими в предложении как препозицию, так и постпозицию, соответствуют в орокском языке простые предложения с постпозитивными обстоятельствами цели, выраженными притяжательными конструкциями с супином – отглагольным существительным целевой семантики.

Ториса Геттатаи гѣда наррѣ бууэчи итэчи=будду=ни, Гетта мангануни бул-күтэ-не, алду гаду=будду=ни.

‘Род Ториса роду Гетта дал одного человека, чтобы он следил и, когда богатырь рода Гетта умрет, чтобы он принес известие (букв.: род Торису роду Гетта дал одного человека для его слежения, для принесения известия при условии смерти богатыря рода Гетта).’

Чѣччи тари наррѣ гѣда туксамба вѣхани мама дэптэ=буддѣ=ни.

‘Потом тот человек одного зайца убил, чтобы старуха поела (букв.: для еды старухи).’

Полных смысловых аналогов орокским простым распространенным предложениям с обстоятельствами, выраженными препозитивными притяжательными конструкциями с существительными недостигнутой цели (с отрицательным причинно-целевым значением), в русском языке нет. Довольно условно их можно

соотнести с русскими сложноподчиненными с придаточными причины и условия отрицательной семантики.

Мин нэну=нэјзи=ви мапа угдаби эсини бурэ.

‘Я собралась уехать, старик лодку не дает (букв.: для моего не-отъезда = чтобы я не уехала).’

Син у(н)=нэјзи=си нарисал чипал нэнууэчи.

‘Потому что ты собирался <что-то> сказать, все мужчины ушли (букв.: для твоего не-говорения = чтобы ты <ничего> не сказал).’

Можно предположить, что данные конструкции являются достаточно архаичными (даже в фольклорных текстах они редки), о чем свидетельствует их низкая частотность даже в фольклорных текстах, но именно в них наглядно проявляется специфика орокского языка, затрудняющая возможность полного не только структурного, но и семантического соотнесения синтаксических единиц типологически различных языков.

Описание орокского простого предложения в терминах синтаксических связей позволило выявить его основные особенности в структурном и синтаксическом аспектах:

1) преимущественное использование в качестве членов предложения не лексических единиц, как в русском языке, а синтаксических конструкций (словосочетаний);

2) отсутствие в составе простого предложения осложняющих распространенных определений и обстоятельств, выраженных в русском языке причастными и деепричастными оборотами;

3) отсутствие полипредикативных конструкций подчинительного типа (структурных эквивалентов русских сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными и изъяснительными, присоединяемых подчинительными союзами);

4) формальные различия между распространенными монопредикативными конструкциями в орокском языке и полипредикативными конструкциями эквивалентной семантики в русском языке основываются на использовании для выражения отношений подчинения различных грамматических средств;

5) соответствие русских сложных предложений с обстоятельственными придаточными орокским структурно простым, но семантически сложным – полипропозитивным – конструкциям.

В заключение отметим, что структурирование синтаксической системы любого языка должно опираться не только на семантическую составляющую, оно должно учитывать особенности морфологической системы языка и характер синтаксических связей между единицами, что определяется, в свою очередь, их парадигматическими характеристиками. Именно поэтому одна и та же семантика в языках типологически различных систем будет выражаться не всегда синтаксическими структурами сходной типологии, и только детальный анализ грамматических единиц в их функциональном аспекте позволит предпринять попытки достоверных сравнительно-сопоставительных описаний синтаксического строя типологически различных языков.

Список литературы

Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. 247 с.

Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 476 с.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

Мальчуков А. Л. Синтаксис простого предложения в эвенском языке (структурные и семантические аспекты). СПб., 1999. 257 с.

Список сокращений и грамматических значений в глоссах

1, 2, 3 – лицо; **ед. ч.** – единственное число; **им. п.** – именительный падеж; **мн. ч.** – множественное число; **наст. вр.** – настоящее время; **орок.** – орокский язык; **рус.** – русский язык; **тв. п.** – творительный падеж; **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **ADJ** – имя прилагательное; **FUT** – будущее время; **IMP** – императив; **IND** – индикатив; **INST** – инструменталис; **LOC I** – локатив I (местный I); **LOC II** – локатив II (местный II); **N** – имя существительное; **NEG** – отрицательная форма глагола; **PAST** – прошедшее время; **PL** – множественное число; **POSS** – посессивный аффикс; **PP** – причастие; **PRES** – настоящее время; **PROLAT** – пролатив; **PRON** – местоимение; **SG** – единственное число; **SIMULT** – симультатив; **V** – глагол; **Ø** – нулевая связка.

L. V. Ozolinya

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; larisa-3302803@rambler.ru*

The Russian structural and semantic equivalents of the Orok simple sentence

The paper deals with the analysis of predicative units in typologically different language systems: Orok and Russian. The description of the Orok simple sentence in terms of syntactic links has made it possible to find out its main features in the structural and syntactic aspects which are the following: 1) the dominating use of syntactic constructions (word phrases) as members of the sentence rather than lexical units as it is observed in Russian; 2) the lack of expanding extended attributes and adverbial modifiers in the Orok simple sentence structure which are expressed by participial and adverbial participial phrases in the Russian language; 3) the lack of polypredicative constructions of the subordinate type (i. e. structural equivalents of the Russian complex sentences including adverbial modifier clauses linked by means of subordinating conjunctions); 4) the fact that the formal distinctions of extended monopredicative and polypredicative constructions of equivalent semantics in the Russian and Orok languages rest on using different means of expressing subordinate relations (subordinating conjunctions in Russian and syntactic reflection linking in Orok); 5) the correlation of Russian complex sentences with adverbial clauses with Orok structurally simple but semantically complex (polypropositive) constructions.

Keywords: Orok language, Russian language, semantic equivalence, word phrase, sentence, syntactic linking, reflection, possessive construction.

DOI 10.17223/18137083/58/19

References

Avrorin V. A. *Sintaksicheskie issledovaniya po nanayskomu yazyku* [The syntactic explorations in Nanai]. Leningrad, Nauka, 1981, 247 p.

Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [The morphology of Evenki]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 476 p.

Zolotova G. A. *Oчерk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [An essay of functional syntax of Russian language]. Moscow, Nauka, 1973, 352 p.

Mal'chukov A. L. *Sintaksis prostogo predlozheniya v evenskom yazyke (strukturnye i semanticheskie aspekty)* [The syntax of the simple sentence in Even (Structural and semantic aspects)]. St. Petersburg, 1999, 257 p.